Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Сословно–представительная демократия в России, долг и крепостное рабство

Рубеж XVI и XVII веков ознаменовался как стремительным ростом Русского государства — территориально и экономически, так и концом династии Рюриковичей и великими потрясениями, реально угрожавшими существованию России как единого государства. Смутное время, которое пронеслось над страной разрушительным ураганом и выбило массы крестьянства из обычного состояния, породило острую потребность в рабочих руках и побудило землевладельцев-дворян прибегнуть к надежному, веками испытанному средству — ссуде.

Массовое распространение получила практика перевода дворовых холопов в разряд ссудных крестьян. Землевладельцы стали «сажать» своих дворовых людей на землю, в обязательном порядке выдавая им ссуду на обзаведение дворами, хозяйством, земельными наделами. При этом с холопом заключался особый договор, именуемый «ссудной записью». Очевидно, что ее условия делали практически невозможным для такого крестьянина вновь обрести свободу[1]. В этот период появляется «крепостная крестьянская запись». В одной из грамот 1628 года некий русский помещик пишет, что в заселенную им пустошь он «своих дворовых кабальных и старинных людей во крестьяне посадил и ссуду им давал». Теперь в крестьянских договорах с землевладельцами впервые появляется чисто крепостное условие. Сохранилась ссудная запись того же 1628 года, в которой вольный человек обязуется «за государем своим жить в крестьянех по свой живот безвыходно». Скоро эта безвыходность стала общим заключительным условием ссудных записей и составила «крестьянскую крепость», или «вечность крестьянскую», как говорили в XVII веке. «Крестьянская крепость» сплеталась из полицейской приписки к месту жительства, ссудной задолженности, кабального холопства и добровольного соглашения[2].

[1] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. — М., 1988. — С. 160.

[2] Ключевский В.О. Сочинения. Т.3. — М., 1988. — С. 161–163.

ТОРЖЕСТВО СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Черту под этим длительным периодом становления крепостного строя подвело Соборное уложение 1649 года, которое исторически и логически служило продолжением Русской Правды, Псковской судной грамоты, Судебников и других кодексов феодальной эпохи и было принято верховным законодательным органом той эпохи — Земским собором, заседавшим в 1648–1649 годы. Следует помнить, что именно Земский собор 1613 года избрал на царствование Михаила Романова, узаконив начало новой царской династии. Уложение отражает неизмеримо более высокий уровень экономического, социального, политического и юридического развития Русского государства и окончательно определяет сложившийся порядок закрепощения русского крестьянства. Один из важнейших разделов Уложения 1649 года посвящен всем видам холопства и содержит 119 статей. Разными исследователями подсчитано, что холопству прямо или косвенно посвящено 213 из 967 статей Уложения. Именно с принятием Уложения в Русском государстве окончательно создались все предпосылки для формирования института крепостничества на основе кабального холопства.

Уложение не утрачивало своего значения в течение последующих 200 лет истории России. Как кодекс права, оно закрепило в сфере экономики единую форму феодальной земельной собственности на основе слияния поместной и вотчинной формы собственности. В социальной сфере Уложение отразило процесс консолидации основных классов и сословий русского общества той поры — крестьян, холопов, посадских людей и дворян. В политической области оно знаменовало начало перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ДОЛГА

Отражая высокий уровень развития ростовщических операций, Уложение 1649 года вслед за предыдущим законодательством уделило большое внимание долговому праву. Так, в нем регламентируется порядок погашения долговых обязательств и ответственность поручителя в случае несостоятельности должника. К XVII веку эти нормы, известные со времен Русской Правды, претерпели значительные изменения. Одна из принципиальных трансформаций касается определения круга норм о несостоятельности. Если в Русской Правде, Псковской судной грамоте и в Судебниках речь в этом случае шла лишь о купцах, взявших в долг деньги, то в Уложении круг должников социально не ограничен. Вмешательство государственной власти в долговые отношения сдерживается установлением общего закона, предписывающего порядок погашения долга. Уложение 1649 года различало две причины несостоятельности должника — несчастный случай и мотовство. В зависимости от этого определялся и порядок погашения долга. В первом случае предусматривалась рассрочка не более чем в три года, во втором случае должник отдавался кредитору «головою» до полной уплаты долга.

Поскольку особые формы личной зависимости возникали в то время из практики займа, законодательство внесло коррективы в этот вопрос. Уже указом Ивана Грозного от 15 октября 1557 года было запрещено заемщикам продаваться в «полные холопы» за долг. В случае неуплаты долга закон допускал отдачу их кредиторам «головою» до полного «искупа» из кабалы: «...и тех ответчиков велел государь исцом выдавати головою до искупа»[1]. Уложение повторило этот указ, и «искуп» состоял в работе на кредитора в счет долга по официально установленному курсу — 5 руб. в год для мужчины и 2.5 руб. в год для женщины. Это право в случае смерти истца переходило к наследникам. По окончании отработки должник и его семья становились свободными. Обязательства, вытекающие из договоров, распространялись уже не на само лицо, а на его имущество или действия, следствием чего было погашение долга и освобождение от зависимости. Отдача «головою до искупа» не распространялась на дворян и детей боярских, которые в случае неуплаты долга «ставились на правеж» из расчета 100 руб. в месяц. В ходе правежа взыскание обращалось вначале на двор и движимое имущество, затем на вотчины и поместья. Ответственность по обязательствам не была индивидуальной. За родителей отвечали дети, долги переходили по наследству. Холопы и крестьяне несли ответственность за долги своих господ, а господа — за своих людей и крестьян. Институт поруки распространялся и на долговые обязательства. При ручательстве о явке должника в суд, в случае его смерти до срока явки поручители не несли материальной ответственности. В случае

УЛОЖЕНИЕ ОТРАЗИЛО ПРОЦЕСС КОНСОЛИДАЦИИ ОСНОВНЫХ КЛАССОВ И СОСЛОВИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА – КРЕСТЬЯН, ХОЛОПОВ, ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ И ДВОРЯН

[1] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. — Л.: Наука, 1986. — С. 46.

смерти должника долговое обязательство передавалось наследникам, при недостаче разницу погашали поручители[1].

Уложение установило официальные формы совершения разного рода сделок, в том числе и долговых. Уже в 1635 году указом царя Михаила Федоровича Романова было запрещено рассматривать в суде иски о займах и закладе, не подкрепленные письменными документами: «...хто ково какою ссудою ссудил, а в тех заемных денгах, и в закладе... у тех людей кабал записей на то нет... тем людем приставов и суда не давати»[2].

Уложение 1649 года пошло еще дальше, формализовав нотариальные функции, которые уже выполняли площадные писцы-профессионалы. С этого момента Ивановская площадь в Москве стала основной «нотариальной конторой» России. Эта практика продолжалась вплоть до реформы нотариата при Петре I. Официальное оформление площадными писцами-подьячими крепостных актов по договорам займа, поклажи, ссуды, личного найма состояло в следующем: дела делились на малые (до 10 руб.) и большие (свыше 10 руб.). Заемные кабальные соглашения и иные «крепости» (обязательственные соглашения) по большим делам предписывалось составлять в Москве и иных городах площадным подьячим, которые выступали одновременно и в качестве «послухов» (свидетелей сделки). Составленные соглашения подписывались лицом, совершавшим сделку. За неграмотных отвечали их «духовные отцы» (определенный законом круг лиц, которым разрешалось подписывать документы за неграмотных), или ближайшие родственники по прямой и боковой линиям, или те, кому доверял сам участник сделки. Купчие и закладные на недвижимое имущество могли составлять только площадные подьячие в городах. В деревнях и селах разрешалось составлять без их участия только свадебные, заемные соглашения и завещания, а также лично оформлять небольшие дела (до 10 руб.) при условии личной подписи под составленными документами. Неграмотным предписывалось оформлять такие дела с помощью церковных и земских дьячков иных сел. Попам и дьячкам запрещалось это делать в своих селах и вотчинах. Такая строгая регламентация порядка оформления имущественных, денежных и долговых сделок способствовала повышению их официального значения и определяла то обстоятельство, что оформленная таким образом «крепость» рассматривалась в суде как первостепенное основание при решении дел о правах на недвижимое имущество, о долговых обязательствах и тому подобном. Развитие товарно-денежных отношений в России середины XVII века и связанное с этим широкое распространение в деловой практике договоров займа, заклада (залога), поклажи, торговых сделок настоятельно требовали законодательной регламентации защиты интересов договаривающихся сторон. Уложением предусматривались порядок опротестования ложно составленных договоров и ответственность за незаконные действия по их оформлению.

«ИСКУП» СОСТОЯЛ В РАБОТЕ НА КРЕДИТОРА В СЧЕТ ДОЛГА ПО ОФИЦИАЛЬНО УСТАНОВЛЕННОМУ КУРСУ — 5 РУБ. В ГОД ДЛЯ МУЖЧИНЫ И 2.5 РУБ. В ГОД ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

Строго регламентировался порядок взыскания долга по заемным кабальным соглашениям: взыскание по суду только суммы долга без процентов. Фактически проценты по долгам взыскивались в обычном размере (20%), хотя и были лишены судебной защиты. Был закреплен законом пятнадцатилетний срок исковой давности по взысканию долга в судебном порядке. Вводился закон о погашении долга частями при обязательном условии официально оформленной отметки об уплате на соглашении или соответствующей расписки. С этого момента право взыскания оставшейся части долга продлевалось на последующие 15 лет. Отсутствие расписки или официальной отметки на соглашении делало факт частичной уплаты юридически несостоятельным, претензии судом не принимались, должник лишался права доказывать факт уплаты, а кредитор получал право взыскания всей суммы долга.

Уложение ввело статью, согласно которой все «служилые кабалы» должны были заключаться с одинаковой суммой в 3 руб. Этой статьей кабальному долгу придавался условный, фиктивный характер. Она отражала тот факт, что к этому времени источником холопства стал уже не столько долг, сколько уговор о личной службе холопа до смерти господина. Холоп писал, что получил от господина некую сумму, за которую обязывается работать на него пожизненно, но в реальности не занимал и не получал этой суммы.

В это время получила достаточно широкое распространение практика передачи обязательств третьим лицам. Переданные таким путем «кабалы» получили название «выданных». У кредитора и должника права в отношении таких сделок были различными. Кредитор мог передать свои обязательства третьему лицу без согласия должника, но должник не мог этого сделать без согласия кредитора. Требовалось оформление особой официальной грамоты на передачу обязательств третьим лицам или проставление отметки на самом соглашении о передаче обязательства за долг или по иной причине с обязательной подписью лица, совершившего передачу. Отсутствие официально оформленных подтверждений делало переуступку обязательств юридически несостоятельной. Те же последствия имело неполноценное оформление любых обязательственных соглашений.

Устанавливался приоритет иностранцев при взыскании долгов с русских людей, а также приоритет государственной казны во взыскании долга перед частными лицами. С целью сохранить стрельцов как существенную военную силу государства, Уложение запрещало их выдачу «головою» кредитору, предусматривая постепенную выплату

[1] Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. — Л.: Наука, 1987. — С. 54, 213–214.

[2] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. — Л.: Наука, 1986. — С. 167.

долга по судебному решению их «хлебной части» жалованья. Запрещалось также «тягловым» (несущим государственные повинности) посадским людям отдавать в залог по долговым обязательствам свои «тяглые дворы», лавки, промыслы, то есть движимое и недвижимое имущество, служившее источником выплат государственных повинностей и налогов. В случае неплатежеспособности заемщика из числа «тягловых посадских людей» долг погашался за счет средств от продажи его «двора» другим «тягловым посадским людям».

Таким образом, составители Уложения 1649 года, используя основные законодательные положения прошлого, значительно развив и дополнив их, систематизировали и представили в виде ряда статей законы, разносторонне регламентирующие договоры займа и функционирование института долговых отношений[1].

ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК…

Как видим из сравнительного анализа степени развития института долговых отношений в Европе и в России, к XVII веку капитал в области торговли играл в Русском государстве заметную роль. Увеличение рынка, переход к денежному хозяйству расширяли поле для ссудной деятельности. Однако наибольшее значение приложение русского капитала получило в отраслях, относящихся не к обрабатывающей промышленности или торговле, а к «промыслам». Эти отрасли имели принадлежность к добывающей промышленности, прежде всего промыслам — соляному, рыбному и звероловному. Сюда привлекался капитал, а к нему присоединялись «откупа» кабацкие, таможенные и другие многочисленные статьи казенных доходов. Именно здесь проявляются различия между Россией и Западом той эпохи, обусловленные более медленным темпом экономического развития. Первые шаги в области зарождения капитализма были сделаны в то время и в России. Однако в России не имелось еще тех институтов, которые уже получили развитие в Западной Европе не только в передовых странах, но и в относительно отсталых, таких как Австрия, Пруссия и другие германские государства. И здесь уже существовали вексель и вексельные операции, имелись банки и банкиры, получили развитие государственные займы, существовали биржи и финансовые центры международного масштаба[2]. Отсутствие развитых рынков капитала и долгового оборота в торговле и промышленности России XV–XVII веков прежде всего было связано с тем, что основные усилия правящего класса и государства были направлены на становление института долговых отношений как средства усиления личной зависимости крестьян от землевладельцев — крепостничества. В результате многовекового развития институт долговых отношений в России сформировал институт крепостничества, и, наоборот, стремление землевладельцев прикрепить крестьян к земле путем лишения личной свободы формировало институт долговых отношений как орудие закрепощения. Крепостная зависимость русского крестьянина имела своим основанием поземельную ссуду с условием отработки процентов, соединенную с наймом земли с обязательством натурального или денежного оброка. Отсюда вытекали наследственная власть землевладельца над потомством, личностью и трудом крестьянина без права освобождения его от государственных податей и наследственная власть над имуществом крестьянина вследствие собственности на его ссудную часть и права надзора над крестьянским хозяйством.

Был пройден длительный исторический путь от простых долговых обязательств крестьян перед землевладельцами, не уничтожавших их личной свободы, через повсеместное распространение кабальной ссуды как условия обработки крестьянином земли, приводившей к кабальному холопству и фактической утрате личной свободы, к признанию государством наследственной власти землевладельца над личностью, имуществом и трудом крестьянина. Единственным условием для землевладельца со стороны государства было сохранение крепостного крестьянина в качестве источника выполнения государственных повинностей. Русский крепостной крестьянин не был холопом, крепостное право давало владельцу возможность присваивать только часть крестьянского труда и имущества. Право собственности на крепостного крестьянина было обусловлено условием сохранения за ним государственных обязанностей[3].

УВЕЛИЧЕНИЕ РЫНКА, ПЕРЕХОД К ДЕНЕЖНОМУ ХОЗЯЙСТВУ РАСШИРЯЛИ ПОЛЕ ДЛЯ ССУДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

[1] Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. — Л.: Наука, 1987. — С. 59–62, 221–226.

[2] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 569–570.

[3] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. — Т. 8. Статьи. — М., 1990. — С.192–193.